

УДК 884(04) «18/19» Немцевич

Виктор Мисиюк, старший преподаватель кафедры филологии и культурологии Брестского государственного технического университета; г. Брест, РБ.

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ «ЯЗЫКОВОГО ЭТИКЕТА» ПРОИЗВЕДЕНИЙ ЮЛИАНА НЕМЦЕВИЧА

Одним из самых ярких произведений Юлиана Немцевича является «Возвращение посла». В нем затронуты проблемы как политического, так и в общем мировоззренческого характера. Одним из самых интересных нам представляется отношение писателя к различным языкам, употребляемым в Речи Посполитой.

Свое отношение к языкам и их употреблению Немцевич высказывал в своих произведениях неоднократно. К рассуждениям его подталкивал жизненный опыт. В значимости языкового вопроса он мог убедиться во время своих путешествий. Юлиан Урсын был свидетелем того, что современные ему монархи сделали язык орудием своей государственной политики. Среди воспоминаний о Иосифе Втором, читаем: *«Цесарь этот, как и другие, что Польшу разорвали, стремился искоренить польский язык и ввести немецкий, в*

школах (в его государстве – авт.) *нигде уже не учили по-польски*» [2, 83]. Немцевич не мог недооценивать значение подобных фактов. Более того, он сам принимал участие в формировании языковой культуры населения. Когда ему довелось в 1812 году побывать в Торуне, он выступил там, как горячий защитник польского языка: *«Я посетил там школу, настоятельно рекомендуя учителям и учащимся тщательно изучать польский язык, т.к. в городе господствовал немецкий, а вокруг по деревням, не только язык польский, но и дух – преобладал»*. Затем *«в Холмне, возвращенном Польше, Быдгощи, в Мариембурге также поощерял к возврату к польскому языку»* [2, 382]. То, что в первую очередь в поле зрения попадал польский язык закономерно. Это родной язык Юлиана Немцевича, язык его семьи. В семь лет он уже читал отцу по-польски «Варшавскую газету». К десяти годам хорошо писал на нем, переписывал отцовские письма [2, 12; 2, 16]. В литературном творчестве он отдавал предпочтение именно ему.

Традиционно высокие позиции в Речи Посполитой занимала латынь. Ее использовало в речи все католическое духовенство. Цитату на латинском, Немцевич, описывая детские впечатления вложил в уста брестского иезуита. Латынь как и греческий, о котором упоминает Немцевич вскользь [2, 115], входила в число классических языков. Будущему писателю ее преподавал частный учитель с одиннадцати лет. Классические выражения, хотя и редко, но будут появляться в его текстах. В разной степени латинский язык использовали и другие члены его семьи. Отец Юлиана, на похоронах деда писателя, произнес речь, в которой часто использовал латинские выражения [2, 20]. Представить «Возвращение посла» без слов латинского происхождения просто невозможно, но то, что в нем нет фраз на латыни, сближает этот язык с языками «немыми». «Немые языки» были в употреблении в Речи Посполитой, но Немцевич их в «Возвращении посла» не использует.

В первую очередь к немым языкам следует отнести итальянский. У гетмана Огинского в Слониме Немцевич застал наряду с польским театром итальянский театр. Партии исполняют в нем итальянцы [2, 85]. Хотя итальянская культура присутствовала в культурной палитре Речи Посполитой, в данном случае для писателя она является образцом высокого вокального мастерства, но не более.

Если носители итальянского языка встречались редко, то немцев можно было встретить чаще. Юлиан Немцевич упоминает о немецких колонистах в Тересполе, приводит немецкие фамилии некоторых соотечественников, хорошо информирован о состоянии дел в немецкоязычных государствах, вспоминает (скорее с негативным оттенком) королей Речи Посполитой из саксонской династии, говорит о том что узнавал кое-что от прусаков и т.п. [2, 9; 2, 16; 2, 118; 2, 130; 2, 143]. Однако, он также не использует немецкий язык в своих литературных произведениях.

Представить себе Речь Посполитую без еврейской культуры невозможно. Евреи часто присутствуют в детских воспоминаниях нашего земляка. Он приводит слухи о причастности евреев к смерти аббата Облочинского, рассказывает истории о том, как упорно пытался обращать евреев в христианство его отец, или как насильственно катехизировали евреев брестские доминиканцы, вспоминает евреев-продавцов, музыкантов и парикмахеров-докторов, посещавших их имение [2, 7-8; 2, 18; 2, 26-27]. Хотя отдельные поляки, Мартин Любомирский и Мартин Радзивил, находят привлекательные черты в еврейской культуре [2, 67], Немцевичем такие случаи воспринимаются как девиация. Статус этого народа низок. Еще хуже евреев, полагает Немцевич, русские [2, 71].

Отношения с русскими показаны в ситуации постоянного противостояния, борьбы. На русском, в проанализированных нами текстах, в Речи Посполитой говорят только представители русской администрации (послы, офицеры). Отдельные фразы на русском говорят, что Юлиан был знаком э этим языком [2, 24]. Знакомство это произошло, по всей видимости, на территории Речи Посполитой, еще до пребывания автора в русском плену. О России Немцевич пишет чаще всего как о Москве (этого город-символ давно уже не была к тому времени столицей) и граждан называет не иначе как москалями. Именно это государство стало, по убеждению писателя, главным инициатором разделов его отечества. Оно, своим влиянием, сдерживало все прогрессивные начинания в Речи Посполитой [2, 37; 2, 44]. «*Адская ожесточенность Москвы к Польше*» [2, 70] наложила отпечаток на образ русского. От русских пришла испорченность нравов и обычаев [2, 18]. Ни их культура, ни их язык привлекательности для писателя не имеют.

Ряд языков, таких как немецкий, идиш, итальянский, русский в силу своего статуса Немцевичем в «Возвращении посла» не использовались. На это повлияли престиж, частота употребления, социальная роль данных языков. И все же в интересующем нас произведении употребляется не только польский. В «Возвращение посла» часто встречаются французские выражения. В других своих произведениях есть довольно длинные предложения на этом языке [2, 146].

Французская культура приобрела в течении жизни Юлиана Немцевича в Речи Посполитой небывалую популярность. Первого в своей жизни по-французски поляка, шляхтича, писатель увидел в детстве, вскоре после избрания Понятовского [2, 11]. Во многом с этим королем он увязывал распространение франкофильства: «В молодости король долго был в Париже, в распущенную эпоху Людовика XV, там испортил нравы чистые до того времени и приобрел вкус к легкой французской литературе, которой только потом и подражали в Польше. ... Забыли о Гомере, Вергилии, Горации, один только Вольтер был богом литературы ... . Смеяться над религией и целомудрием стало похвальным. ... Французица во всем взяла верх, начали повсеместно одеваться по-французски. Виднейшие дамы не говорили и не читали иначе как на французском, не знали других мод кроме как парижской» [2, 30]. К 1788 году на Сейме лишь половина послов была одета в польскую одежду. У Тизенгауза даже лакеи все были одеты по-французски [2, 69]. Еще при жизни Юлиана Урсына люди одетые по-польски стали экзотикой. Кроме того широко распространились такие важные элементы культуры как французский танец, театр и кухня [2, 86; 2, 33; 2, 44]. Французский и польский языки были главными соперниками в борьбе за право считаться первейшим. Как относился к этому писатель? В «Возвращении посла» Подкоморий возмущен тем, что Старостина коверкает польский язык, употребляет кальки с французского, на котором ей изъясняться привычнее. Устами Подкомория Немцевич выступает в защиту польской культуры и языка. Это один из наиболее возвышенных и патриотических фрагментов произведения. Приводим слова Великого Поляка в оригинале:

*Dziwić się nie należy, jeżeli Starościna
Nie rozumie po polsku, nie jej to jest wina,
Ale tych raczej, co jej dali wychowanie,*

*Co wytworności dzikie powziąwszy mniemanie,
Gardząc własnym językiem i rodem, i krajem,
Chowają dzieci polskie francuskim zwyczajem
I taką na nie baczność od kolebki łożą,
Że mamki i piastunki z zagranicy zwożą.
Któż ich do dalszej nauk doprowadza mety?
Madam, co gdzieś we Francji robiła kornety,
Albo włóczęga Francuz. I cóż stąd wynika?
Młodzieniec zapomniawszy własnego języka
Obcym nawet źle mówi i gdy wiek ubieży,
Uczyć się musi, co do Polaka należy,
Bo dotąd wskazywane mając obce wzory,
Wie dobrze, kto jest Vestris, nie wie, kto Batory [3, 26].*

У современного исследователя возникает резонный вопрос: был ли знаком Немцевич, рожденный не на польских этнических землях, с украинской и белорусской культурами? Разумеется, был. Немцевич вспоминает, что в молодости он исключительно хорошо танцевал: волей случая он даже обучал будущего английского короля распространенному в Украине и в Беларуси танцу – козаку [2, 111]. В его польских текстах встречаются украинизмы. В уста одной из героинь «Возвращения посла», Подкоморины, он вкладывает выражение «Sicz dzika» [3, 25]. Александр Брюкнер обращает внимание на то, что слово «Sicz» в польском языке отображает типичный для «малорусского языка» [1, 488] переходу исторического ять в и. Это одно из слов-ключей, позволяющих сохранять представление о особенностях определенного языка, в данном случае о т.н. икавизме. То, что Немцевич мог воспроизводить эту особенность по памяти, подтверждает опубликованный им фрагмент песни: «Sidłaj Wasil konia swoho/A mnie woronoho/Idet Lachow sorok tysiecz/E szcesz to nemnoho» [2, 76]. Кроме украинского, Немцевич знал также белорусский язык. Об этом свидетельствует записанный им топоним Horodnica – название дворца Тизенгауза в Гродно. Однако, Немцевич приводит это слово без типичного белорусского аканья [2, 69]. Возможно, он мог не разделял украинский и белорусский языки, считая аканье частным проявлением оканья.

Украинскому языку отведена в «Возвращении посла» второстепенная эпизодическая роль. Говорит на нем безымянный казак. Он

произносит несколько фраз: «*Maju, pane. ... Jej Bohu, nie znaju. ... Potierał za cholewi*» [3, 49-50]. Такая немногословность во многом показательна. Статус данного языка был невысок. Хотя писатель замечает, что народ, говорящий на нем, имеет хороший вкус и чувство ритма, благодаря чему сочиняет долговечные песни [2, 76]. Низкий статус украинского языка вызван низким социальным положением его носителей и создаваемых ими текстов. Немцевич называет украинцев представителями «народа простого» [2, 77]. Писатель вспоминает Немцевич также, говоря о аресте Слуцкого и Переяславского владык, которые подбивали его на бунт [2, 169]. Но особого внимания на «простой народ» не обращает. «*Народ этот во все времена одинаков. Народу этому, к стати доброму, спокойному, не известны интеллектуальные роскоши, им руководят звериные желания, остается тем кем есть, не желая знать, что происходит где-то еще. Всю неделю трудятся над своим призванием. В воскресенье выходит весь город в парки и зоопарки свои, не для того чтобы наслаждаться свежим воздухом, красотой природы, а чтобы есть жареных кур и пить кислое пиво*» [2, 89]. Хотя эти слова касаются австрийского простонародья, они в равной степени, на наш взгляд отражают отношение автора к простонародной культуре любого народа.

Главной силой формировавшей облик «языкового этикета» Немцевича была система ценностей, которая формировала его как писателя. Возвышенные идеалы классицизма требовали строгой организации художественных образов и способов их выражения. В результате возникла иерархия жанров искусства. В литературе ее определил Никола Буало (1636–1711). Он дал определение высокому, среднему и низкому жанру. Идеям Буало вторили представления о стилях Феофана Прокоповича, Ломоносовская «теория трех штилей» и др.. В архитектуре сложилось представление о иерархии форм как при создании отдельных построек, так и в планировке городов. Объекты разделялись на высокие и низкие, достойные и недостойные внимания. Низкое достойно появляться в искусстве только тогда, когда это оправдано иронией. Низкое воспринимается как частное отклонение от канона, высокого идеала. Его присутствие, зачастую, авторами игнорируется. Влияние народной традиции на высокое искусство этой эпохи было минимально. Не случайно, для распростра-

ненного в ту пору волтеррианства характерно совмещение просвещенности и элитарности. Образованному человеку благородного происхождения пороки низов должны были быть чужды.

Восприятие классицизмом действительности способствовало распространению двойных мировоззренческих стандартов. Интересна характеристика Ю. Немцевичем австрийского императора Иосифа Второго, как философа с заведомо противоречивой позицией: он хотел быть равным во всем с гражданами своей страны, притом, что те должны были бы слепо подчиняться его решениям [2, 86]. Двойные стандарты имели место и во взглядах Юлиана Урсына: он разрывается между своей патриотической позицией и восторженным отношением к идеям французских просветителей, между прогрессивными политическими начинаниями и стремлением сохранить ценности предшествующей ему эпохи. Немцевич с одной стороны пытался противоречить стройной системе стандартов своего времени, с другой стороны сохранял привязанность к идеям французских просветителей, создавшим ее. Двойные стандарты видны на примере проблемы взаимоотношений французского и польского с одной стороны, и польского и украинского с другой. Так выглядела иерархия языкового сознания, т.н. «языковой этикет» эпохи, в рамках которой умещалось творчество Юлиана Немцевича. Совершенно иной статус имеют языки у автора, написанной значительно ранее, «Промовы Мелешки» [5], или у Генрика Жэвуского в, написанном несколько позже, произведении «Pamiętki J Pana Seweryna Soplicy, cześnika parnawskiego» [4].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Bruckner A., Słownik etymologiczny języka polskiego – Poznań: Wiedza powszechna, 2000. – S. 806.
2. Niemcewicz J. U., Pamiętniki czasów moich – Paryż, 1848. – S. 394.
3. Niemcewicz J. U., Powrót posła – Warszawa; PWN, 1993 – S. 92.
4. Rzewuski H., Pamiętki J Pana Seweryna Soplicy, cześnika parnawskiego – Warszawa: Ossolineum, 2004. – S. 472.
5. Акты, относящиеся к истории Юго-Западной России. Т. 2. – СПб, 1865. – С. 188-190.